

Annotation

Тинсли ненавидел насекомых и убивал всеми возможными способами, он подозревал, что они наблюдатели, следящие за человечеством, но он ошибался...

- [Рэй Брэдбери](#)
-
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Рэй Брэдбери

Наблюдатели

В этой комнате пишущая машинка стучит, будто костяшки пальцев по дереву, и капельки пота падают на клавиши, которых беспрерывно касаются мои дрожащие руки. А еще насмешливо пищит комар, кружащий у меня над головой, и несколько мух, постоянно задевающих за экран-сетку. Вокруг голой электрической лампочки, висящей на потолке, трепещет бабочка, напоминающая клочок белой бумаги. Муравей ползет по стене; я наблюдаю за ним — и невесело смеюсь. Какая ирония: блестящие мухи, рыжие муравьи и сверчки, защищенные своей броней. Как жестоко мы все трое ошибались: Сьюзен, я и Вильям Тинсли.

Кем бы вы ни были, если к вам в руки попадут эти записки, никогда больше не давите муравья на обочине дороги, не убивайте шмеля, с шумом пролетающего мимо вашего окна, не уничтожайте сверчков, поселившихся у вас за очагом.

Вот в чем заключалась страшная ошибка Тинсли.

Вы конечно помните Вильяма Тинсли? Человека, потратившего миллион долларов на средства против мух, муравьев и других насекомых?

В офисе Тинсли не было места для мух или комаров. Ни на белой стене, ни на зеленом столе — нигде в кабинете не могло укрыться ни одно насекомое. Тинсли уничтожал их при помощи своей фирменной хлопушки для мух. Я никогда не забуду это орудие убийства. Тинсли, как истинный монарх, правил своим королевством, пользуясь хлопушкой, будто скипетром.

Я был секретарем Тинсли и его правой рукой в индустрии по производству кухонной посуды; иногда я давал ему советы относительно вложения денег.

В июне тысяча девятьсот сорок четвертого года Тинсли носил хлопушку для мух с собой на работу. Ближе к концу недели если я занимался какими-нибудь документами, то о появлении Тинсли узнавал по характерным щелчкам — босс приканчивал утреннюю порцию своих жертв.

Шли дни, и я замечал, что Тинсли постоянно на чеку. Он диктовал мне, но его глаза последовательно прочесывали северную, южную, восточную, западную стены, ковер, книжные полки и даже мою одежду. Один раз я рассмеялся и ввернул что-то насчет Тинсли и Клайда Битти — бесстрашных дрессировщиков диких животных, а он напрягся и повернулся ко мне спиной. Я замолчал. «Люди имеют право на странности», — подумал я тогда.

— Привет, Стив, — сказал как-то утром Тинсли, помахав зажатой в руке хлопушкой, когда я взял карандаш и приготовился записывать. — Ты не мог убрать трупы перед тем, как мы начнем работать?

На толстом ковре цвета охры валялись павшие в неравном бою мухи; смятые, неподвижные тела с вывернутыми крыльями. Я побросал их одну за другой в мусорную корзину, мрачно бормоча себе под нос.

— С. Х. Литтлу, Филадельфия. «Дорогой Литтл, мы готовы вложить деньги в ваше новое средство против мух. Пять тысяч долларов...»

Пять тысяч? — переспросил я и перестал писать.

Тинсли не обращал на меня ни малейшего внимания.

— «...Пять тысяч долларов. Советуем начать производство, как только позволят условия военного времени. Искренне ваш...» — Тинсли щелкнул хлопушкой. — Думаешь, я спятил?

— Это постскриптум или ты обращаешься ко мне? — спросил я.

Позвонили из компании по борьбе с термитами, Тинсли велел выписать им чек на тысячу долларов за то, что они обработали его дом. Затем похлопал по ручке металлического стула.

— Вот что мне нравится в офисах, — заявил он. — Металл, бетон — все такое надежное, прочное, здесь никогда не заведутся термиты. — Босс вскочил с кресла, хлопущка просвистела в воздухе. — Проклятие, Стив, эта тварь все время находилась здесь!

Что-то прожужжало в последний раз, и наступила тишина.

Нас окружали четыре безмолвных стены: казалось, потолок пристально нас разглядывает... Воздух медленно выходил через ноздри Тинсли. Я никогда не видел inferнального насекомого.

Тинсли взорвался:

— Помоги мне найти ее! Черт тебя подери, помоги!

— Одну минуту, подожди... — ответил я.

Кто-то постучал в дверь.

— Не входите! — пронзительно закричал Тинсли. — Отойдите от двери и не вздумайте ее открыть! — Он стремительно метнулся к двери, запер ее, прижался спиной. — Быстрее, Стив, начинай систематические поиски! Не сиди!

Стол, стулья, подсвечник, стены. Как обезумевшее животное, Тинсли искал, нашел источник жужжания и нанес сокрушительный удар. Мертвое, блестящее тельце упало на пол, и Тинсли со странным торжеством раздавил его ногой.

Он начал успокаивать меня, но я разозлился.

— Послушай, — резко сказал я, — я твой секретарь и главный помощник, а не наводчик для стрельбы по быстро летающим целям. У меня нет глаз на затылке!

— И у них тоже! — воскликнул Тинсли. — Ты знаешь, что они делают?

— Они? Кто, черт возьми, они такие?

Он замолчал. Устало подошел к письменному столу и сел в кресло.

— Не имеет значения, — сказал Тинсли через некоторое время. — Забудь об этом. И никому не рассказывай о нашем разговоре.

Я смягчился:

— Билл. Тебе следует обратиться к психиатру...

Тинсли горько рассмеялся:

— А психиатр расскажет своей жене, та — подругам, а потом они обо всем узнают. Они повсюду. Да, повсюду. Я не хочу, чтобы моя компания была остановлена.

— Если ты имеешь в виду сто тысяч долларов, которые потратил на средства против мух и муравьев за последние четыре недели, — сказал я, — то кто-то должен тебя остановить. Ты разоришь себя, меня и других держателей акций. Видит Бог, Тинсли...

— Замолчи! — рявкнул он. — Ты не понимаешь.

Пожалуй, тогда оно так и было. Я ушел в свой кабинет и целый день был вынужден слушать жестокие удары проклятой хлопущки, доносившиеся из-за стены.

Тем же вечером я ужинал со Сьюзен Миллер. Я рассказал ей о Тинсли, а она выслушала меня с вежливым профессиональным интересом. Потом постучала сигаретой о стол, закурила и сказала:

— Стив, я, конечно психиатр, но у меня нет ни одного шанса, если Тинсли не придет ко мне добровольно. Я не смогу помочь ему, если он сам того не захочет. — Она похлопала меня по плечу. — Но ради тебя я его посмотрю. Впрочем, если пациент со мной не заодно, считай, что сражение уже наполовину проиграно.

— Ты должна мне помочь, Сьюзен, — сказал я, — Через месяц он окончательно тронется. Мне кажется, у него мания преследования...

Мы подъехали к дому Тинсли.

Первая встреча прошла удачно. Мы много смеялись, танцевали, а потом поужинали в «Коричневом эле». Тинсли даже и в голову не пришло, что стройная женщина с тихим голосом, с которой он кружился в вальсе, была психиатром, внимательно изучавшим его реакции.

Сидя за столиком, я наблюдал за ними, стараясь не улыбаться, и услышал, как рассмеялась одной из шуток моего босса Сьюзен.

Мы молча ехали обратно в приятном, расслабленном настроении, которое часто возникает после приятно проведенного вечера. В машине пахло духами Сьюзен, из приемника доносилась приглушенная музыка, колеса автомобиля негромко шуршали по асфальту.

Я взглянул на Сьюзен, она посмотрела на меня, и ее брови поднялись вверх, показывая, что она не обнаружила ничего странного в поведении Тинсли. Я пожал плечами.

Вдруг в открытое окно влетела бабочка и затрепетала белыми гладкими крыльшками возле стекла.

Тинсли закричал, резко дернул в сторону руль и рукой в перчатке схватил бабочку. Его лицо побледнело. Завизжали шины. Сьюзен схватилась за руль и выровняла автомобиль; в следующее мгновение машина остановилась на обочине дороги.

Пока мы стояли, Тинсли сжал пальцы и молча смотрел, как ароматная пыль медленно опускается на руку Сьюзен. Все трое сидели и тяжело дышали.

Сьюзен снова повернулась ко мне, и теперь в ее взгляде было понимание. Я кивнул.

Тинсли уставился прямо перед собой. Словно во сне он произнес:

— Девяносто девять процентов всех живых существ составляют насекомые...

Он поднял стекла и в полнейшем молчании развез нас всех по домам.

Через час мне позвонила Сьюзен:

— Стив, у него выработался жуткий комплекс. Завтра мы с ним ужинаем. Я ему понравилась. Возможно, мне удастся выяснить то, что нас интересует. Кстати, Стив, у него есть какие-нибудь домашние животные?

У Тинсли никогда не было ни собаки, ни кошки. Он испытывал отвращение к животным.

— Могла бы и сама догадаться, — сказала Сьюзен. — Ну, спокойной ночи, Стив. До завтра.

Мухи размножились быстро и гудели в ярком солнечном свете летнего дня, как тысячи хитрых золотых электрических устройств. Они кружились в воздухе, стремительно падали вниз и откладывали яйца среди отходов, чтобы снова спариваться и шуршать крыльшками, а я наблюдал за их кружением и размышлял о том, почему Тинсли так их боится и убивает. Вокруг, описывая изящные дуги, жужжали бесчисленные насекомые, их прозрачные крыльшки трепетали. Я заметил стрекоз и навозных жуков, ос, желтых пчел и коричневых муравьев. Мир вдруг стал для меня гораздо более живым, чем раньше, потому что агрессивная осторожность Тинсли заставила и меня обратить внимание на эти крохотные живые существа.

Еще не осознавая своих действий, я стряхнул с куртки маленького рыжего муравья, который упал на меня с куста сирени, и повернул к знакомому белому дому, где жил адвокат Ремингтон, в течение сорока лет представлявший интересы семьи Тинсли; он приступил к своим обязанностям еще до того, как Билл появился на свет. С Ремингтоном у нас было чисто деловое знакомство, но все же я пришел к нему и позвонил в дверь, а через несколько минут уже разговаривал с ним, держа в руках хрустальный бокал шерри.

— Помню... — задумчиво произнес Ремингтон. — Бедняга Тинсли. Ему было всего семнадцать, когда это произошло.

Я даже наклонился вперед.

— Что произошло? — По тыльной стороне моей ладони среди золотистых волосков ползал муравей, потом безнадежно запутался в зарослях и перевернулся на спину, отчаянно шевеля

жвалами. Я наблюдал за муравьем. — Какой-то несчастный случай?

Адвокат Ремингтон мрачно кивнул, в его карих глазах появилась боль. Он рассказал мне о происшедшем в нескольких точных фразах:

— Осенью отец Тинсли взял его с собой на охоту на озеро в районе Наконечника Стрелы — это было в тот год, когда юноше исполнилось семнадцать. Прекрасная погода, отличный, ясный и холодный осенний день. Я помню, потому что охотился тогда же в семидесяти милях от того места. Дичи было полно. Ветер наполнил воздух запахом сосен, над озером разносились звуки выстрелов. Отец Тинсли прислонил свое ружье к кусту, чтобы завязать шнурок, и как раз в этот момент в воздух поднялась стая перепелов и полетела прямо на Тинсли и его сына. — Ремингтон заглянул в свой бокал, словно рассчитывал увидеть там то, о чем рассказывал. — Один из перепелов толкнул ружье, и оно выстрелило прямо в лицо старшему Тинсли!

— Боже мой!

Я представил себе, как отец Тинсли покачнулся, поднял руки к превратившемуся в алую маску лицу, а потом его покрасневшие ладони опустились, и он упал. А стоявший рядом юноша смотрел на отца и не мог поверить своим глазам.

Я торопливо допил шерри. Ремингтон продолжал:

— Но это еще далеко не все. Многие бы посчитали, что и так молодому Тинсли крепко досталось. Однако то, что произошло потом, не могло не наложить отпечатка на психику семнадцатилетнего юноши. В поисках помощи он пробежал пять миль, оставив в лесу погибшего отца, отказываясь поверить в его смерть. Задыхаясь от крика, срывая с себя одежду, парень добрался до дороги и вернулся с врачом и двумя другими мужчинами. Прошло около шести часов. Солнце начало клониться к закату, когда они торопливо шагали через сосновый лес туда, где остался Тинсли-старший. — Ремингтон замолчал и покачал головой. Его глаза были закрыты. — Все тело, руки, ноги и то, что еще недавно было красивым сильным лицом, покрывала сплошная шевелящаяся маска насекомых. Жуки, муравьи, мухи всех видов собрались на пир, привлеченные сладким запахом крови. На всем теле старшего Тинсли не осталось и квадратного дюйма гладкой кожи!

Перед моим мысленным взором предстал сосновый лес и трое мужчин, стоявших возле окаменевшего юноши, который не в силах отвести взгляда от тела отца, пожираемого маленькими голодными существами. Где-то стучал дятел, бежала по стволу белка, перепела хлопали своими маленькими крыльями, а трое мужчин взяли мальчика за плечи и заставили его отвернуться от ужасного зрелища...

Вероятно, я застонал, потому что, когда обнаружил, что сижу в библиотеке, я увидел, что Ремингтон смотрит на меня и на мою окровавленную руку, в которой и остался раздавленный бокал... Боли я не почувствовал.

Так вот почему Тинсли так панически боится насекомых и животных, — выдохнул я несколько минут спустя. Сердце у меня в груди бешено колотилось. — Все эти годы его страх рос как на дрожжах и теперь полностью им завладел.

Ремингтон проявил интерес к проблемам Тинсли, но я постарался успокоить старика и спросил:

— А чем занимался его отец?

— Я думал, вы знаете! — удивленно воскликнул Ремингтон. — Старший Тинсли был известным натуралистом. Даже очень известным. В этом есть некая ирония — его убили те самые существа, которых он изучал, не так ли?

— Да. — Я встал и пожал руку Ремингтона. — Благодарю вас, адвокат. Вы мне очень помогли. А сейчас мне пора уходить.

— До свидания.

Я стоял под открытым небом перед домом Ремингтона; муравей по-прежнему ползал по моей руке. В первый раз я начал понимать Тинсли и сочувствовать ему. Я сел в машину и поехал к Сьюзен.

Она отогнула вуаль своей шляпки и задумчиво посмотрела вдаль.

— То, что ты мне рассказал, очень хорошо объясняет поведение Тинсли. Он постоянно погружен в свои мысли. — Сьюзен помахала рукой. — Взгляни по сторонам — легко ли поверить в то, что насекомые повинны во всех ужасах, творящихся вокруг? Вот мимо нас пролетает бабочка-данаида. — Сьюзен щелкнула пальцами. — Может, она прислушивается к каждому нашему слову? Старший Тинсли был натуралистом. Что с ним произошло? Он сунул нос туда, куда не следовало, поэтому они, они, которые контролируют животных и насекомых, убили его. День и ночь последние десять лет эта мысль преследовала Тинсли, и всюду, куда падал его взгляд, он видел бесчисленные проявления жизни этого мира. Постепенно его подозрения стали обретать форму и содержание!

— Не могу сказать, что я его виню, — заметил я. — Если бы мой отец так погиб...

— Он отказывается разговаривать, пока в комнате есть хотя бы одно насекомое, не так ли, Стив?

— Да, Тинсли боится: вдруг они обнаружат, что он разгадал их тайну.

— Ты и сам видишь, как это глупо, не так ли? Он не в состоянии удержать свое знание в секрете — если согласиться с тем, что бабочки, муравьи и мухи есть олицетворение зла. Ведь и ты, и я слышали его рассуждения, да и другие тоже. Однако Тинсли упорствует в своем заблуждении, считая, что до тех пор, пока он не произносит ни единого слова в их присутствии... Ну, он все еще жив, не так ли? Они его не уничтожили, да? И если они действительно порождение зла и страшатся его, тогда почему же с Тинсли до сих пор не покончили?

— Может быть, с ним просто играют? — предположил я. — Ты знаешь, как-то странно получается. Старший Тинсли погиб как раз в тот момент, когда был совсем близок к большому открытию. Все укладывается в схему.

— Тебе не следует так долго сидеть под горячим солнцем, — рассмеялась Сьюзен.

Утром следующего воскресенья Билл Тинсли, Сьюзен и я отправились в церковь. Мы сидели погруженные в тихую музыку; все убранство храма было выдержано в мягких, спокойных тонах. Неожиданно Билл начал смеяться; в конце концов мне пришлось ткнуть его локтем под ребра и спросить, что с ним происходит.

— Посмотри на преподобного отца, — ответил Тинсли, не сводящий глаз со священника. — У него муха на лысине. Муха в церкви. Они всюду проникают, я же говорил тебе. Пусть священник читает свою проповедь, от нее не будет никакого толку. О всепрощающий Боже!

После службы мы решили устроить пикник на природе, под теплым голубым небом. Несколько раз Сьюзен пыталась заставить Тинсли заговорить о своих страхах, но Билл молча показал на вереницу муравьев, переползающих через нашу белую скатерть, и сердито покачал головой, позднее Билл извинился и с некоторой напряженностью пригласил нас зайти к нему домой: он не может больше продолжать в том же духе, деньги кончаются, ему грозит банкротство, и он нуждается в нашем совете. Нам со Сьюзен оставалось только согласиться.

Через несколько минут мы уже сидели в его запертом изнутри кабинете, пили коктейль, а Тинсли нетерпеливо расхаживал взад и вперед, поигрывая семейной хлопушкой для мух. Перед тем как начать свою речь, он нашел две мухи и прикончил их.

— Металл, — он постучал по стене, — никаких клещей, древесных жучков или термитов.

Металлические стулья, металл повсюду. Мы одни, не так ли?

Я посмотрел по сторонам.

— Похоже на то.

— Отлично. — Билл несколько раз глубоко вздохнул. — Вы никогда не задумывались о Боге, дьяволе и Вселенной? Не удивлялись, почему наш мир так жесток? Как мы пытаемся продвинуться вперед и как нас бьют по голове, если нам удастся сделать лишь маленький шагок? — Я молча кивнул, и Тинсли продолжал: — Где же наш Господь или где Силы Зла? Вы не размышляли о том, как они повсюду проникают? Неужели ангелы невидимы? Так вот, ответ прост, остроумен и в то же время научен. За нами постоянно наблюдают. Бывает ли в жизни минута, когда мимо не пролетает муха, или не проползает муравей, или блоха на собаке, не пробегает кошка, жук или рядом не кружит бабочка?

Сьюзен ничего не сказала, только спокойно посмотрела на Тинсли, стараясь не смущать его. Он сделал глоток из бокала.

— Маленькие крылатые существа, на которых мы не обращаем внимания, следят за нами каждый день нашей жизни, подслушивают молитвы, проникают в мечты, желания и страхи, а потом обо всем, что следует, доносят Ему или Ей — тем силам, что посылают их в наш мир.

— Да брось ты! — импульсивно воскликнул я.

К моему удивлению Сьюзен шикнула на меня.

— Дай ему закончить, — резко сказала она. А потом посмотрела на Тинсли. — Продолжайте.

— Это звучит глупо, — снова заговорил Тинсли, — но я постарался подойти к проблеме с научной точки зрения. Во-первых, я никак не могу понять, зачем в нашем мире столько насекомых, почему так много различных видов. Нам, смертным, они только мешают жить. И я нашел весьма простое и естественное объяснение: их правительство невелико числом, может быть оно состоит из одного существа, поэтому Оно или Они не могут быть повсюду одновременно. А мухи могут. Как и муравьи, и другие насекомые. А так как мы, смертные, не в состоянии отличить одно насекомое от другого — все мухи для нас одинаковы, — получается идеальная ловушка. Вот уже долгие годы их так много, что мы даже не обращаем внимания. Как и в «Алой букве» Готорна, они постоянно перед нашими глазами, и мы перестали их замечать.

— Я в это не верю, — прямо сказал я.

— Дай мне закончить! — воскликнул Тинсли. — А потом будешь судить. Существует Сила, ей требуется система коммуникаций, чтобы жизнь каждого индивидуума находилась под контролем. Представьте себе: миллиарды насекомых постоянно проверяют, следят каждое за своим объектом, держа все человечество под контролем!

— Послушай! — не выдержал я. — Ты стал еще хуже, чем когда был мальчишкой! Ты позволил этим идеям поработить свой мозг! Нельзя без конца обманывать себя!

Я вскочил.

— Стив! — Сьюзен тоже встала, ее щеки порозовели. — Подобными словами делу не поможешь! Сядь. — Она положила руку мне на грудь и заставила опуститься на стул. А потом быстро повернулась к Тинсли. — Билл, если то, что вы говорите, правда, то почему, несмотря на все ваши планы, постоянную борьбу с насекомыми в доме, молчание в присутствии крылатых существ, ваша компания по поддержке производства инсектицидов до сих пор не привела вас к гибели?

— Почему? — вскричал Тинсли. — Потому что я работал в одиночку.

— Но если они существуют, Билл, то должны были бы узнать о вас еще месяц назад, потому что Стив и я говорили об этом в их присутствии, — а вы все еще живы. Разве это не доказательство того, что вы заблуждаетесь?

— Вы говорили об этом? Вы говорили! — Даже глаза у Тинсли побелели. — Нет, не может быть, ведь Стив дал мне слово!

— Послушайте меня. — Голос Сьюзен заставил Тинсли прийти в себя, словно его встряхнули за шиворот, как маленького ребенка. — Прежде чем впадать в истерику, послушайте. Вы готовы пойти на эксперимент?

— Какой еще эксперимент?

— Вы перестанете скрывать свои планы. Если с вами ничего не случится в течении следующих восьми недель, вы согласитесь, что ваши страхи не имеют под собой никаких оснований.

— Но они же прикончат меня!

— Послушайте! Стив и я готовы поставить на карту свои жизни, Билл. Если умрете вы, то и нас со Стивом ждет гибель. Я высоко ценю свою жизнь, да и Стив тоже. Мы не верим в ваши ужасы и хотим, чтобы вы от них избавились.

Тинсли опустил голову и уставился в пол:

— Я не знаю, я не знаю.

— Восемь недель, Билл. После этого можете всю оставшуюся жизнь посвятить борьбе с насекомыми, но, видит Бог, у вас не будет нервного срыва. Уже то, что вы живы, является доказательством того, того, что они не желают вам зла и оставили вас в покое.

Тинсли пришлось согласиться с предложением Сьюзен. Однако с большой неохотой.

— Это только начало кампании, — пробормотал он себе под нос. — Возможно, нам понадобится тысяча лет, но в конце концов мы не сможем освободиться.

— Неужели вы не понимаете, Билл, что освободитесь через восемь недель? Мы наверняка сумеем доказать, что насекомые ни в чем не виноваты. В следующие два месяца продолжайте свою кампанию, давайте объяснения в газетах и еженедельных журналах, вонзите кинжал по рукоять, поведайте о своем открытии всему миру, чтобы в случае вашей гибели человечество было предупреждено. А потом, когда восемь недель пройдут, вы освободитесь, — неужели после стольких мучительных лет вам не хочется избавиться от преследующего вас кошмара?

Тут произошло событие, которое заставило всех нас вздрогнуть. Над нашими головами жужжала муха. Все это время она находилась с нами в комнате, хотя я мог бы поклясться, что раньше ее не было.

Тинсли задрожал. Не знаю, что со мной произошло, видимо. Я действовал совершенно механически, повинаясь внутреннему голосу, потому что я взмахнул рукой и поймал жужжащее насекомое. А потом раздавил его, пристально глядя в белые как мел лица Тинсли и Сьюзен.

— Я поймал ее, — произнес я голосом, искаженным безумием. — Я поймал эту проклятую муху, сам не знаю зачем.

Я разжал кулак. Муха упала на пол. Я наступил на нее — это не раз на моих глазах делал Билл, и мое тело, без всякой на то причины, похолодело. Сьюзен смотрела на меня так, словно только что потеряла своего последнего друга.

— Господи, что я говорю? — воскликнул я. — Я же не верю ни одному слову!

За толстым оконным стеклом сгустился мрак. Тинсли с трудом сумел закурить сигарету, а потом предложил нам переночевать у него — мы все были ужасно возбуждены. Сьюзен сказала, что останется, если он согласится на восьминедельный эксперимент.

— Вы готовы рискнуть жизнью? — Билл никак не мог понять Сьюзен.

Она серьезно кивнула:

— Через год мы будем шутить, вспоминая об этой истории.

— Ладно, — вздохнул Билл, — согласен.

Из моей комнаты наверху был отличный вид на раскинувшиеся за окном холмы. Сьюзен расположилась в соседней, а спальня Билла находилась по другую сторону от гостиной. Лежа в постели, я слышал, как стрекочут сверчки, и вдруг понял, что этот звук меня ужасно раздражает.

Я встал и закрыл окно.

Сон долго не приходил. Я представил себе, что где-то в темноте моей спальни пищит комар. Наконец скинул халат и спустился в кухню, хотя и не чувствовал голода; мне хотелось съесть что-нибудь просто так, чтобы успокоиться. Я нашел Сьюзен возле холодильника — она шарилась по полкам.

Мы посмотрели друг на друга. Поставили на стол несколько тарелок с едой. Мир вокруг потерял реальность. Общение с Тинсли превратило наше привычное окружение в нечто непривычное и смутно опасное. Сьюзен, несмотря на всю свою выручку и профессионализм, оставалась женщиной, а женщины в глубине души суеверны.

Вдобавок ко всему в тот самый момент, когда мы собрались воткнуть вилки в остатки цыпленка, на мясо села муха.

Минут пять мы сидели и смотрели на нее. Муха погуляла по цыпленку, потом взлетела, сделала круг, снова опустилась на него и продолжила свой променад по цыплячьей ножке.

Мы убрали блюдо обратно в холодильник, неловко пошутили, но разговаривали приглушенными, смущенными голосами, потом поднялись наверх и разошлись по своим спальням. Я улегся в постель, и дурные сны набросились на меня еще до того, как я успел закрыть глаза. Наручные часы вдруг начали невыносимо громко тикать в темноте. Прошел бесконечно долгий промежуток времени, и вдруг я услышал пронзительный вопль.

Нет ничего удивительного в женских воплях, но, когда визжит мужчина — а это случается нечасто, — кровь стынет жилах. Казалось, крик раздается со всех сторон одновременно, мне даже почудилось, что я могу разобрать отдельные слова: «Теперь я знаю, почему они оставили меня в живых!»

Я распахнул дверь и увидел бегущего по коридору Тинсли, вся его одежда была мокрой. Заметив меня, он повернулся и прокричал:

— Ради Бога, держись от меня подальше, Стив, не прикасайся ко мне, иначе это произойдет с тобой! Я ошибался! Да, я ошибался, но как же близко мне удалось подобраться к правде!

Прежде чем я успел хоть что-то предпринять, Тинсли сбежал по лестнице и захлопнул за собой дверь. Неожиданно рядом со мной возникла Сьюзен:

— На этот раз он окончательно спятил. Стив, нам необходимо остановить его.

Мое внимание привлек шум, доносившийся из ванной. Заглянув туда, я выключил обжигающую воду, которая с шипением разбивалась о желтый кафель пола.

Заработал двигатель машины Билла, послышался скрежет коробки передач, и машина на безумной скорости выскочила на дорогу.

— Нужно ехать за ним, — настаивала Сьюзен. — Он убьет себя! Тинсли пытается от чего-то убежать. Где твоя машина?

Мы бросились к моему автомобилю. Пронзительный ветер трепал волосы Сьюзен, холодные звезды равнодушно смотрели на нас сверху вниз. Мы забрались в машину, немного прогрели мотор и выехали на дорогу, задыхающиеся и смущенные.

— В какую сторону?

— Я уверена, что он поехал на восток.

— Значит, на восток. — Я нажал на газ и пробормотал: — О Билл, идиот, болван. Сбавь скорость. Вернись. Подожди меня, безумец.

Я почувствовал, как рука Сьюзен крепко сжала мой локоть.

— Быстрее! — прошептала она.

— Мы едем со скоростью шестьдесят миль, а впереди крутые повороты!

Ночь обрушилась на нас: разговоры о насекомых, ветер, шум трущейся об асфальт резины, биение наших испуганных сердец.

— Туда! — показала Сьюзен. Я увидел луч света среди холмов примерно в миле впереди. — Быстрее, Стив!

Мы мчались все быстрее. Нога жмет на педаль, ревет мотор, звезды безумно мечутся над головой, свет фар разрезает темную дорогу на отдельные куски. И вдруг у меня перед глазами снова возник промокший до костей Тинсли: он стоял под горячим, обжигающим душем. Почему? Почему?

— Билл, остановись, проклятый идиот! Перестань уезжать от нас! Куда ты мчишься, от кого убегаешь, Билл?

Мы постепенно догоняли его, ярд за ярдом приближались к нему. Тормоза визжали на крутых поворотах, тяготение пыталось сбросить нас с дороги на гранитные уступы, через холмы и вниз, в долину, над которой спускалась ночь, через мосты над речушками и снова крутые повороты.

— Он опережает нас всего лишь на шестьсот ярдов, — сказала Сьюзен.

— Мы его догоним. — Я резко повернул руль. — Да поможет мне Бог, мы до него доберемся!

А потом, довольно неожиданно, это произошло.

Машина Тинсли снизила скорость. Теперь она ползла по дороге. В этом месте шоссе шло по прямой на протяжении целой мили, ни поворотов, ни холмов. Его машина едва двигалась. Когда мы остановились за «родстером» Тинсли, он не делал и трех миль в час, однако фары продолжали гореть.

— Стив, — ногти Сьюзен поцарапали мое запястье, — что-то здесь не так.

Я и сам прекрасно понимал: что-то случилось. Погудел клаксоном. Потом еще раз. Одинокий и неуместный звук далеко разнесся в пустоте и мраке.

Я остановил машину. Родстер Тинсли продолжал ползти вперед, как металлическая улитка, выхлопные газы что-то шептали черной ночи.

Я открыл дверь и выскользнул из машины.

— Оставайся здесь, — предупредил я Сьюзен.

В отраженном свете фар ее лицо было белым как снег, губы дрожали.

Я побежал к «родстеру», крича на бегу:

— Билл! Билл!

Тинсли не отвечал. Он не мог.

Мой друг тихо лежал за рулевым колесом, а машина ехала впереди, медленно и неуклонно.

Мне стало нехорошо. Я протянул руку и выключил зажигание, стараясь не смотреть на Тинсли. Мой разум погрузился в пучину нового ужаса.

Наконец я собрался с духом и бросил взгляд на Билла, лежавшего с откинутой назад головой.

Нет никого смысла убивать мух, moskitов, бабочек и термитов. Зло слишком коварно, чтобы с ним можно было расправиться таким способом.

Можно прикончить всех насекомых, которые вам попадутся, уничтожить собак, кошек и птиц, горностаев, бурундуков и термитов — со временем человек сумеет это сделать, убивая, убивая, убивая, но в самом конце все равно останутся — они, микробы.

Бактерии. Микробы. Да. Одноклеточная, двуклеточная и многоклеточная

микроскопическая жизнь!

Миллионы и миллиарды микробов в каждой поре, каждом дюйме нашей плоти. На наших губах, когда мы разговариваем, в ушах. Когда слушаем, на коже, когда мы чувствуем, на языке, когда мы ощущаем вкус, в глазах, когда мы смотрим! Их нельзя смыть, нельзя уничтожить эти микробы в мире! Это задача неразрешимая!

Ты догадался об этом, Билл, не так ли? Мы почти убедили тебя, Билл, что насекомые невиновны, что они не являются Наблюдателями, ведь так? И тут мы были совершенно правы. Мы тебя убедили, и ты начал размышлять, а потом вдруг пришло озарение. Бактерии. Вот почему ты бросился под обжигающий душ! Но нельзя убивать бактерии достаточно быстро. Они непрерывно размножаются и размножаются!

Я посмотрел на распростертое тело Билла. Средство против насекомых, — ты думал, что этого будет достаточно. Какая ирония!

Билл, неужели это ты, а твое тело поражено проказой и гангреной, туберкулезом, малярией и бубонной чумой одновременно? Где кожа на твоём лице, Билл, и плоть на твоих костях, на твоих пальцах, сжимающих руль? О Господи, Тинсли, цвет и исходящий от тебя запах — отвратительное сочетание ужасных болезней!

Микробы. Посланцы. Миллионы посланцев. Миллиарды.

Бог не может одновременно находиться повсюду. Может быть, Он создал мух и насекомых, чтобы они наблюдали за Его творениями.

Но Злые тоже обладают замечательными способностями. Они изобрели бактерии!

Билл, ты стал совсем другим...

Теперь ты не можешь поведать свою тайну миру.

Я вернулся к Сьюзен и посмотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова. Я мог только жестами показать, чтобы она отправлялась домой без меня. У меня еще остались кое-какие дела. Предстояло отправить машину Билла в кювет и сжечь ее.

Сьюзен ехала прочь, ни разу не обернувшись.

И вот неделю спустя я печатаю свои записки. Уж и не знаю, есть ли в моих действиях смысл, здесь и сейчас, теплым летним вечером. Мухи с жужжанием носятся по комнате. Теперь я наконец понял, почему Тинсли прожил так долго. Пока его усилия были направлены против мух, муравьев, птиц и животных, представляющих Силы Добра, Силы Зла ему не мешали. Тинсли, сам того не подозревая, работал на Силы Зла. Однако, как только он понял, что именно бактерии являются его истинным врагом, куда более многочисленным и невидимым, Зло сразу же покончило с ним.

Я постепенно вспоминаю о том, как погиб старший Тинсли — когда вспорхнувшие перепела заставили его ружье выстрелить ему в лицо. На первый взгляд это укладывается в схему. Зачем перепелам, представителям Сил Добра, убивать старшего Тинсли. Теперь я знаю ответ на этот вопрос. Перепела тоже болят, и болезнь в тот давний день, нарушив связи между нервными окончаниями, заставила птиц подтолкнуть ружье Тинсли и убить его.

И еще одна мысль не дает мне покоя, когда я представляю себе старшего Тинсли, лежащего под красным кольщущимся одеялом из насекомых. Должно быть, они лишили его утешения, которое после смерти обретает каждый, разговаривая на некоем тайном языке, который нам не дано услышать при жизни.

Шахматная партия продолжается. Добро против Зла.

И я проигрываю.

Сегодня я сижу здесь, пишу и жду, а моя кожа чешется и становится мягкой. Сьюзен находится на другом конце города, она ничего не знает, она в безопасности, а я должен

изложить свое знание на бумаге, даже если это убьет меня. Я прислушиваюсь к жужжанию мух, словно надеюсь получить некое знамение, но рассчитывать не на что. И пока я пишу, кожа на моих пальцах начинает обвисать, меняет цвет, мое лицо становится частично сухим и покрытым струпьями, а частично влажным, скользким, плоть не держится на размягчившихся костях, глаза слезятся — это, наверное, проказа; кожа потемнела, — кажется, бубонная чума; живот рвет на части жестокие судороги, язык кажется горьким и ядовитым, зубы шатаются, в ушах звенит, и через несколько минут мои пальцы, сложные мышцы, изящные маленькие кости окончательно откажутся мне служить, между клавишами пишущей машинки уже и так слишком много желатина, плоть скользнет, как разложившейся, прогнивший плащ с моего скелета, но я должен писать до тех пор, пока могу... швршш кпршш дддд дддд...

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)